

Л. И. Бородкин

КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ И МОДЕРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ XIX–XX ВВ.

УДК 94(470):930.2

ББК63.01+63.3(2)53

В статье анализируются новейшие историографические тренды, рассматриваются вопросы о том, как соотносятся эти теоретические концепции и как они используются в исследованиях по истории России. Автор отмечает, что начало XXI в. характеризуется ростом внимания к возможностям компаративного анализа исторических процессов нового и новейшего времени. Теоретико-методологическую базу для исследований дают современные подходы, связанные с изучением долговременных трансформаций политических, экономических, социально-культурных структур и институтов в тех или иных странах. Заметное место в ряду этих подходов занимают теории модернизации и модерности, возникшие в различных условиях глобального развития и отражающие различные аспекты общественной эволюции. Если в зарубежном руссееведении больше внимания уделяется концепции модерности, то в работах российских историков чаще применяется неомодернизационный подход (больше внимания уделяется вопросу о множественности путей модернизации, ее циклической природе, роли исторической случайности, что актуализирует методологию синергетики). Автор отмечает недостаточное внимание в развитии неомодернизационного подхода к роли институтов, необходимости их модификации, адаптации к изменяющимся реалиям в ходе трансформационных процессов, а также к роли элит в процессах модернизации. В этой связи он обращается к концепции Асемоглу-Робинсона, в основе которой лежит представление о ведущей роли двух типов экономических и политических институтов в развитии различных стран (инклюзивные и экстрактивные институты).

Ключевые слова: *модернизация, неомодернизационный подход, модерность, инклюзивные институты, экстрактивные институты, индустриализация, синергетика*

Модернизационный и неомодернизационный подходы в исследованиях по истории России

Как показывает исторический опыт ряда стран, завершивших процесс индустриализации, этот важный исторический этап их развития сопровождался существенными изменениями социокультурных, политических, экономических, институциональных аспектов, характеризующих эволюцию общества и государства в процессе модернизации. Закономерности перехода от традиционного, аграрного общества к индустриальному составляли ядро теории модернизации в ее ранней версии. Этот переход от «традиционности» к «современности», понимаемый как модернизация, является важной частью новой и новейшей истории всех промышленно развитых стран, и даже в начале XXI в. ряд развивающихся стран переживает сложности этого процесса.

Как отмечается в ранней версии теории модернизации (1950–1960-е гг.), эти трансформации порождают экономический рост, социальные изменения и постепенное внедрение демократических ценностей. Под давлением нараставшей критики рамки теории расширились с учетом того, что существуют модификации указанных процессов на пути к современному обществу. Известен определенный скепсис части научного сообщества по отношению к концепциям теории модернизации, основанный на сомнениях в общности тех закономерностей переходных процессов, которые сформулированы этой теорией (чаще всего речь идет о неправомерности отождествления модернизации и вестернизации).¹ Однако теория модернизации находится в постоянном развитии, ее рамки расширяются: так, уже с 1980-х гг. появились концепции множественности путей модернизации.

В 1980-х гг. наблюдалась тенденция к конвергенции ряда концепций школ модернизации, теории зависимости и мир-системного

Бородкин Леонид Иосифович — чл.-корр. РАН, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, научный руководитель Центра экономической истории, Московский государственный университет (г. Москва)
E-mail: lborodkin@mail.ru

¹ Нередко этот скепсис относится к ранним версиям теории модернизации; дальнейшее развитие этой теории снимает значительную часть критических замечаний в ее адрес.

анализа, что привело в 1990-х гг. к появлению неомодернизационного анализа. Как отмечает И. В. Побережников, модификация концепции модернизации характеризуется повышением роли традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации; ростом внимания к конфликтной составляющей процесса модернизации, к экзогенным факторам; введением в рассмотрение исторической случайности; признанием циклической природы модернизации и противоречивого характера модернизационных преобразований; признанием множественности вариантов модернизации.²

Здесь, однако, следует задаться вопросом: в каких ситуациях в ходе модернизации роль исторической случайности может оказаться существенной? На наш взгляд, ответ на этот вопрос дает синергетический подход, который в данном случае может дополнять теоретико-методологические построения теории модернизации. В рамках этого подхода показано, что с ростом нестабильности, хаотизации состояния сложной системы, с потерей управляемости выход на новую траекторию развития может происходить под воздействием флуктуаций, исторических случайностей. Данный ракурс рассмотрения роли исторической случайности обозначает границы предсказуемости, действия закономерностей в ходе процессов модернизации. В странах догоняющего развития эти процессы нередко носят противоречивый характер, они могут сопровождаться социальными конфликтами, политической нестабильностью, появлением новых социально-политических и экономических институтов и структур. В соответствии с синергетической парадигмой, развитие понимается как последовательность длительных периодов стабильного состояния системы, которые прерываются развилками, короткими периодами хаотического поведения (бифуркациями), после чего происходит переход к следующему устойчивому состоянию (аттрактору), выбор которого определяется, как правило, флуктуациями в период бифуркации.³ На наш взгляд, синергетический подход сегодня, когда историки уделяют много внимания причинам и логике революционных событий

в России 1917 г., оказался актуализированным, востребованным, поскольку позволяет лучше понять соотношение закономерного и случайного в развитии модернизационных процессов.

Дискуссии последних десятилетий о путях развития России в XIX–XX вв. выявили в качестве одной из тенденций использование концепций теории модернизации для объяснения характера эволюции политического процесса в России и ее социально-экономического развития. Из российских публикаций последних лет к этому направлению можно отнести, например, работы В. В. Алексева, М. А. Давыдова, Б. Н. Миронова, И. В. Побережниковой, Н. А. Проскуряковой и др.⁴

Пожалуй, наиболее последовательно применяет эту концепцию Б. Н. Миронов, который рассматривает историю Российской империи как период успешного развития страны, а вектор ее движения — как модернизацию и вестернизацию.⁵ Потенциал теории модернизации при изучении длительного перехода от традиционного к современному обществу он оценивает достаточно высоко, не соглашаясь с некоторыми коллегами, которые, «перепутав моду с объяснительной ценностью модернизационной концепции, по причине слабого знакомства с мировой литературой списали ее в архив, объявив устаревшей». Б. Н. Миронов указывает причины отмеченного скептицизма: трактовки модернизации порой грешат схематизмом; нередко в исследованиях историков процесс модернизации трактуется односторонне, лишь как движение в сторону рыночной

² Побережников И. В. Теории модернизации // Теория и методология истории. Волгоград, 2014. С. 142, 143.

³ Очевидно, в ходе хаотизации сложного социума резко возрастает роль личности, триггерных механизмов, способных дать старт лавинообразным процессам. См., напр.: Бородин Л. И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 98–118.

⁴ См., напр.: Алексеев В. В. Эволюция и революция в модернизационной динамике Российской цивилизации // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 4–28; Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015; Проскурякова Н. А. Власть и реформы в России в XIX веке в контексте модернизационного подхода // Проблемы методологии отечественной истории и культурологии: материалы конф. «Научное мировоззрение и перспективы его развития». М., 2009. С. 2–16; Она же. Россия в XIX веке: государство, общество, экономика. М., 2010; Она же. Россия в XIX веке: образование, наука, культура. М., 2010. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. СПб., 2016; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; Poberezhnikov I. V. Russian Imperial modernization: the general and the specific // Былые годы: рос. ист. журн. 2016. № 41-1 (3). С. 867–873; Бородин Л. И. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках: методологические аспекты // Цивилизации. М., 2015. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. С. 201–214; Теория и методология истории.

⁵ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 12.

экономики и ценностей либеральной демократии, т. е. с ориентацией на модернизационные подходы в их ранней версии. При этом модифицированная, неомодернизационная перспектива рассматривается в качестве более гибкой, прагматичной и работоспособной при изучении долгосрочных процессов исторического развития нового и новейшего времени.⁶

Как отмечает Б. Н. Миронов, развитие страны в имперский период проходило в соответствии со сценарием, «будто написанным теоретиками модернизации специально для России».⁷ Этот сценарий включал прежде всего развитие экономики как индустриальной и рыночной; формирование гражданского общества и правового государства; становление индустриального и урбанистического образа жизни, основанного на функциональной специализации институтов и людей; формирование светской системы ценностей и др. Проанализировав в своем трехтомном труде социальные, политические, демографические, культурные аспекты эволюции российского общества в XVIII — начале XX в., Б. Н. Миронов пришел к выводу, что оно «развивалось от традиции к модерну, но к 1917 г. по причине незавершенности модернизации не соответствовало в полной мере ни одному из критериев современного общества».⁸ Автор разделяет известную концепцию цикличности процесса модернизации Российской империи, имея в виду, что за периодом реформ «всегда следовала их корректировка, часто неадекватно оцениваемая как контрреформа или как «рецидивирующая модернизация»».⁹ При этом страна достаточно быстро развивалась, а смена курса с либерального на консервативный не означала упразднения результатов реформ. Б. Н. Миронов интерпретирует развитие имперской России в русле тенденций, сформулированных теорией модернизации, подчеркивая роль естественного тяготения страны (и ее элиты) «к европейской траектории» и отрицая «цивилизационную уникальность России в смысле неких культурно-национальных черт, не поддающихся влиянию времени».¹⁰

Наряду с «оптимистической» трактовкой модернизационных процессов, протекавших в Российской империи, в историографии пос-

ледних лет развивалась и другая трактовка. Так, в недавней публикации М. Ферретти отмечается, что при рассмотрении российской истории в долгосрочной перспективе (*longue durée*) можно выявить тот особый тип модернизации, который формировался со времени реформ Петра Великого, принявшего вызов модерности Запада и направившего страну по пути модернизации. Петр I перенес на российскую почву некоторые достижения европейской модернизации: технологии, промышленность и «полицейское государство немецкого типа, предполагающее активное вмешательство государства в жизнь общества во имя общего блага».¹¹ «Царь-вестернизатор», пишет М. Ферретти, поставил модернизацию на службу могуществу Державы; в результате в России сложился особый тип модернизации, которую автор охарактеризовал как «авторитарную, или репрессивную, модернизацию: российский путь к модернизации проходил через разъединение модерности и свободы».¹² В этом ключе он рассматривает и трансформации советского периода, дискутируя с распространенным тезисом, согласно которому сталинизм был «неизбежным результатом необходимости быстро модернизировать страну из-за угрозы войны».¹³ По мнению М. Ферретти, в марксистской традиции социализм нельзя было представить вне индустриальной модерности;¹⁴ «большевикам пришлось взяться за модернизацию, то есть за болезненный процесс», всегда связанный с высокой социальной ценой.¹⁵ Заметим, что тезис о модернизационном характере сталинской индустриализации не является самоочевидным; мы обратимся к нему ниже.

О. Н. Мухин, отмечая догоняющий, неорганический характер процессов модернизации в России XVIII — начала XX в., приходит к заключению, что после 1917 г. они приняли «альтернативный характер, пошли по контрмодернизационному пути».¹⁶ Выделяя три основные компоненты базовой модели теории модернизации (индустриализация, демократизация

⁶ Там же. С. 671, 672.

⁷ Там же. Т. 3. С. 669.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 669, 670.

¹¹ Ферретти М. Генезис сталинизма: авторитарная модернизация, социальное сопротивление и репрессии // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 121, 122.

¹² Там же. С. 122.

¹³ Там же. С. 121.

¹⁴ О концепции модерности см. ниже.

¹⁵ См.: Ферретти М. Указ. соч. С. 132, 133.

¹⁶ Мухин О. Н. «Больше модернов, хороших и разных?»: специфика модернизации в незападных обществах (проблемы теории) // Цивилизации. Вып. 10. С. 25.

и рационализация), О. Н. Мухин придерживается концепции частичной модернизации, когда не все указанные компоненты реализуются. При этом в китайском и исламском обществах, по мнению автора, «не приживаются начала демократии, а в последнем случае часто и целерациональность». В качестве примера самобытного развития исследователь рассматривает и социалистический путь развития (добавим — в его исторически реализованных вариантах), который часто интерпретируют как вариант модернизации, исходя, по сути, из одной компоненты — индустриализации.¹⁷

Д. Ширер, сомневаясь в модернизационном характере трансформаций, происходивших в СССР в период сталинизма, отмечает, что «есть ученые, которые видят в сталинском насилии попытку модернизации государства с применением методов социальной инженерии».¹⁸

Вообще вопрос о том, в какой мере можно связывать сталинский период с процессами модернизации, является сегодня дискуссионным. Прежде чем мы обратимся к нему, рассмотрим те аспекты теории модернизации (даже в ее модифицированном варианте), которые требуют, на наш взгляд, дальнейшей разработки.

Во-первых, недостаточное внимание в развитии неомодернизационного подхода уделяется роли *институтов*, необходимости их модификации, адаптации к изменяющимся реалиям в ходе трансформационных процессов. Второй аспект связан с ролью *элит* в модернизации той или иной страны. Отметим в этой связи важное обобщение, сделанное Л. Б. Алаевым, изучавшим процессы догоняющей модернизации стран «незападного мира»: в ряде случаев элиты «новых наций» были заинтересованы в модернизации своих стран, но «институциональные структуры и коллективная ментальность масс зачастую оказывались неадекватными задачам модернизации»; в других случаях местные элиты, провозглашая программы модернизации, в действительности заботились лишь о собственном обогащении. Как отмечает Л. Б. Алаев, «все это... приводило к усилению традиционных структур и лояльностей».¹⁹

Характеризуя особенности процессов модернизации в Российской империи, Н. А. Проскурякова обращала внимание на то, что они

начались здесь намного позже, чем в Европе, и проходили в сжатые исторические сроки; их инициатором выступала властная элита.²⁰ Однако при этом существенное значение имела недостаточная зрелость социально-культурных предпосылок эффективной модернизации, которые еще не сформировались к началу Первой мировой войны «не только у народного большинства, но и в среде вестернизированной интеллектуальной элиты».²¹ Неполющенность модернизационного процесса в дореволюционной России, его ограниченность «лишь некоторой либерализацией политического режима» отмечаются и в работах уральских историков.²²

Инклюзивные и экстрактивные институты в контексте модернизации

В течение последнего десятилетия роль институтов в развитии стран, добившихся успехов в ходе модернизации, рассматривалась в работах ряда экономистов с мировым именем, активно привлекающих исторические данные их для подкрепления своих теоретических концепций.

Особое место в этом ряду занимают работы Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсона. В монографии авторы дают свой ответ на один из базовых вопросов современности: «Почему одни страны богатые, а другие бедные?»²³ В нашем контексте важно, что речь идет при этом о роли институтов и элит. В основе предложенной ими концепции (далее — концепция AP) лежит представление о ведущей роли двух типов экономических и политических институтов в развитии различных стран. Это инклюзивные и экстрактивные институты. Первые предполагают и стимулируют участие больших групп населения в экономической жизни, что позволяет наилучшим образом использовать способности людей. Важными аспектами инклюзивных институтов являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической жизни. Экстрактивные институты направлены на то, чтобы «выжать»

¹⁷ Там же. С. 20, 21.

¹⁸ Ширер Д. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в Советском Союзе в 1920–1950 гг. // История сталинизма. С. 208.

¹⁹ Алаев Л. Б. Модернизация или «опора на собственные слабости»? // Цивилизации. Вып. 10. С. 32, 33.

²⁰ См.: Проскурякова Н. А. Власть и реформы в России... С. 2.

²¹ Там же. С. 27.

²² См.: Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В. В. Алексеев [и др.]. Екатеринбург, 2011.

²³ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2015.

максимальный доход из эксплуатации большей части общества и направить его на обогащение элит. Авторы подчеркивают, что инклюзивные экономические институты готовят почву для успешного функционирования двух важнейших драйверов экономического роста и процветания — технологических инноваций и качественного образования.

Между экономическими и политическими институтами, как отмечают Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон, существует сильная синергия. Инклюзивные политические институты, распределяя власть среди широкого круга лиц, будут неизбежно разрушать основу экстрактивных экономических институтов.²⁴ Очевидно, здесь просматривается связь между описанными выше процессами модернизации (в сочетании экономических процессов, прежде всего индустриализации, с соответствующими социально-политическими процессами) и развитием инклюзивных институтов. Обратимся к этому вопросу в более конкретном аспекте.

Немало внимания Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон уделяют историческому опыту России, которая рассматривается как яркий пример экстрактивной системы. Основное внимание при этом уделено Петру I, Е. Ф. Канкрину, И. В. Сталину. Авторы фокусируют внимание на элитах, которые сохраняют экстрактивные институты, сопротивляются реформам. Они отмечают, например, что сопротивление аристократических элит удалось преодолеть не везде: так, в Российской империи, где монарх и дворянство имели обширные властные полномочия, они рисковали большим и смогли, как считают авторы, сильно замедлить процесс индустриализации. Это привело к стагнации экономики в России и отставанию от других европейских стран, «экономический рост которых начал быстро ускоряться в XIX веке».²⁵ Здесь, однако, возникает вопрос: как это согласуется с индустриальным рывком, который начался в России с конца 1880-х гг.?

Обращаясь к роли Е. Ф. Канкрин, министра финансов Российской империи с 1823 по 1844 гг., Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон рассматривают этого представителя правящей элиты в качестве активного противника будущей индустриализации и строительства железных дорог. По их мнению, Е. Ф. Канкрин опасался, что строительство железных дорог

в России будет способствовать развитию промышленности, формированию пролетариата и подъему рабочего движения, что могло бы привести к потере правящими элитами того «экстракта», который они имели при существовавшей системе. Однако историки, изучавшие деятельность Е. Ф. Канкрин, знают, что он был против строительства железных дорог в основном потому, что частных капиталов в николаевской России не хватало и надо было строить железную дорогу на казенные средства. Он считал, что это будет разорительно для казны, понизит конкуренцию среди негосударственных компаний, что можно найти более обоснованные цели бюджетного финансирования. Таким образом, данный пример вряд ли «работает» на концепцию AP.

Обсуждая экстрактивность российских институтов, Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон «забывают», что с конца XIX в. в ходе дореволюционной индустриализации темп роста промышленности России становится одним из самых высоких в мире, что в начале XX в., в ходе Первой русской революции, здесь возникает многопартийность, развиваются парламентаризм, институты гражданского общества и другие признаки модернизационного процесса. Таким образом, в пореформенной России возникают элементы инклюзивного развития, хотя и в незрелой пока форме. Но это развитие может привести к зрелым инклюзивным институтам.²⁶

Концепция AP вызывает немало ассоциаций с различными теоретическими подходами. Естественно, авторы затрагивают вопрос и о теории модернизации, к которой они относятся достаточно критично, хотя обе теории в известной мере дополняют друг друга. Они полагают, что главный аргумент в пользу модернизационной теории состоит в том, что именно в успешных странах «существуют демократические режимы, уважаются гражданские права, развиваются эффективные рынки и в целом инклюзивные экономические институты»²⁷ (как видим, авторы апеллируют здесь к ранним версиям теории модернизации). Однако, по их мнению, при интерпретации этой закономерности теория модернизации «игнорирует огромное влияние инклюзивности на экономический рост».²⁸

Исторический опыт Советского Союза Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон оценивают как

²⁴ Там же. С. 114.

²⁵ Там же. С. 74, 75.

²⁶ Там же. С. 129.

²⁷ Там же. С. 586.

²⁸ Там же.

очевидный пример экстрактивного развития, апеллируя в основном к работам П. Грегори, М. Харрисона, Дж. Берлинера, Р. Дэвиса, С. Уиткрофта и других экономистов-историков. Советский пример анализируется в ходе рассмотрения вопроса о возможностях экономического роста при экстрактивных политических институтах. Авторы отмечают, что такой рост имеет другую природу, чем рост в условиях инклюзивных институтов. Главное отличие, по их мнению, заключается в том, что «экстрактивный» рост не является устойчивым, не может стимулировать и эффективно использовать технологические прорывы; он основан на уже имеющихся технологиях. Экономическое развитие СССР рассматривается в качестве «яркой иллюстрации и того, как власть и созданные ею стимулы могут содействовать быстрому экономическому росту, и того, как этот рост замедляется и в конце концов останавливается совсем».²⁹ Советский Союз достиг довольно высоких темпов экономического роста, поскольку, по мнению авторов, мог использовать силу государства, чтобы перебросить трудовые ресурсы из сельского хозяйства.³⁰ Когда этот рост в СССР был все еще высоким, технический прогресс в большинстве отраслей был минимален. Как считают Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон, новые технологии активно развивались только в военной промышленности благодаря колоссальным ресурсам, которые в нее вкладывали, за счет остальных отраслей хозяйства. СССР удалось даже на какое-то время обогнать США в космической и ядерной гонках.³¹ Но этот рост без «созидательного разрушения» неэффективных институтов и без технического прогресса во всех областях не мог быть устойчивым и в конце концов резко прекратился, что авторы связывают, в частности, с невозможностью создания эффективных стимулов в централизованной экономике, управляемой Госпланом.

Здесь мы видим другую, институциональную, интерпретацию тезиса об относительной эффективности сталинской индустриализации (в сравнении с модернизационной интерпретацией). Противоречивый характер трансформационных процессов, происходивших в СССР в 1930-х — начале 1950-х гг., требует отдельного рассмотрения в контексте концепций неомодернизации и модерности, чему и посвящен наш заключительный раздел.

Процессы трансформации России в XX в. в свете концепции модерности

Неомодернизационный подход способствовал выживанию концепции модернизации «за счет принесения в жертву серьезных посылок, входивших в состав ее теоретического ядра»,³² в том числе за счет введения понятия множественности вариантов модернизации. Сохранение этим подходом — в условиях нарастающей критики — своего независимого научного статуса стало возможным «исключительно благодаря развитию внутри самой этой теории критического и эмпирического подхода к образцам и аксиоматике современного общества».³³ Однако, как отмечает О. Н. Мухин, это поставило вопрос о полезности неомодернизационного подхода как эвристически ценной исследовательской конструкции, поскольку теперь «любой вариант развития той или иной страны в новое и новейшее время может трактоваться как “особый путь” модернизации».³⁴ Еще более острым, на наш взгляд, является вопрос о возможностях конструктивного использования в исследованиях по истории России/СССР концепции «модерности» (modernity).

Так, в дискуссии американских историков о характере сталинской индустриализации в центре внимания был вопрос: есть ли основания считать этот период в истории России модернизационным? Дискуссия была инициирована в 2000 г. Ш. Фитцпатрик, которая выявила две позиции — сторонников концепции модерности 1930-х гг. (их позиция отражена наиболее четко в работах С. Коткина) и «неотрадиционалистов» (в основном это ученики Ш. Фитцпатрик — Д. Хоффманн, П. Холквист, Я. Котсонис, А. Вейнер). Подробный анализ этих позиций по вопросу о характере сталинской индустриализации дал М. Дэвид-Фокс.³⁵

³² Побережников И. В. Теории модернизации // Теория и методология истории: учебник для вузов. Волгоград, 2014. С. 142.

³³ Следзевский И. В. Культурные и научные основания теории модернизации (проблема взаимоотношений) // Цивилизации. Вып. 10. С. 61, 71.

³⁴ Мухин О. Н. Указ. соч. С. 16, 17.

³⁵ См.: David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. Bd. 55, № 4. S. 535–555. М. Дэвид-Фокс (Michael David-Fox) — специалист по российской и советской истории, профессор Джорджтаунского университета в Вашингтоне, редактор-основатель журнала «*Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*», научный руководитель Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий (НИУ ВШЭ).

²⁹ Там же. С. 104.

³⁰ Там же. С. 81.

³¹ Там же. С. 82.

Особый интерес для нас представляет дискуссия по близкой, но более широкой тематике, инициированная десять лет спустя М. Дэвид-Фоксом, теперь уже с участием российских коллег. Ее материалы опубликованы в «Новом литературном обозрении» под рубрикой «Споря о модерности».³⁶ Основой для дискуссии послужила аналитическая статья М. Дэвид-Фокса «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная?», вслед за которой под заголовком «Десять ответов на статью Майкла Дэвид-Фокса» приводятся рефлексии 11 российских и зарубежных (британских и американских) историков, филологов, культурологов, антропологов, социологов.

Попытаемся выявить в самых общих чертах современный контекст понятия «модерность», его применимость к исследованию трансформаций в России/СССР, его соотношение с концепцией модернизации.

Дискуссия предваряется кратким вступлением «Испытание модерностью» Н. Поселягина, редактора данного раздела НЛО, который отмечает трудности в соотнесении терминов/понятий на русском и английском языках. Он «взял на себя ответственность» унифицировать терминологию, переводя «modernity» и «modern» как «модерность» и «модерный», полагая, что это более лаконичные эквиваленты фразы «относящийся к эпохе Нового времени». К тому же они, на взгляд редактора, удобнее, чем «модерн» и «модернизм», поскольку «не смешивают большой исторический период с вполне определенным направлением в искусстве» и со временем его доминирования. С другой стороны, термин «модернизация» также не кажется редактору адекватным, так как обозначает процесс, а не «сложившееся положение вещей». На наш взгляд, различие этих категорий не только (и не столько) процессуально, оно сущностно. Что касается категории «современность», то она, резонно считает редактор, слишком связана с контекстом «текущей актуальности». В силу своей концептуальной неопределенности термин «модерность», по крайней мере применительно к российской ситуации, оказался, по мнению Н. Поселягина, очень провокативным и эвристическим.

Как показала дискуссия, разброс оценок применимости, адекватности концепции модер-

ности в исследованиях по истории России и СССР весьма велик. Здесь нельзя не вспомнить известный в академической среде афоризм: «В науке о терминах не спорят, о них договариваются». Что касается категории «модерность», договориться, видимо, пока не удалось. Об этом можно судить и из высказывания Н. Поселягина: «Терминологическая размытость — лишь внешнее проявление размытости концептуальной: слишком широкое значение дало возможность использовать слово “modernity” в идеологических целях, скорее отражать ценностную установку того или иного историка, чем описывать исторический объект».

Как отмечает М. Дэвид-Фокс, суть дискуссий вокруг понятия «модерности», ведущихся с 1990-х гг. среди зарубежных специалистов по российской и советской истории, сводится к основному вопросу: можно ли считать «модерными» Российскую империю и СССР, и если да, то в каком смысле? В качестве наиболее дискуссионного аспекта он выделяет проблему оценки сталинского периода, который «многие не спешат относить к модерности — потому ли, что... сталинизм воскрешал архаические черты прошлого, или же потому, что он резко отграничил себя от большей части остального мира, в первую очередь с точки зрения экономики и идеологии». Другие не могут принять СССР как часть модерности, исходя из методологических принципов (из-за множества противоречий, присущих теории модерности) или политических позиций, несовместимых, например, с попытками оправдать многочисленные жертвы, сопровождавшие сталинскую «модернизацию». Свой аналитический обзор М. Дэвид-Фокс предваряет базовым вопросом: «Если можно говорить о таком понятии, как “советская модерность”, что оно подразумевает — и как теоретическая проблема, и как направление для дальнейших исследований?»

Анализируя англоязычные публикации по истории России/СССР, М. Дэвид-Фокс выявил, что отношение к концепции (и термину) модерности (modernity) определяется в основном научной и общественной позицией авторов. Выделено четыре типа этих позиций — отсутствующая, общая, альтернативная, переплетенная модерность. В первом случае исследователи исходят из того, что Россия до сих пор не достигла состояния модерности; во втором — полагают, что Россия вошла в это состояние вместе с другими странами; в третьем —

³⁶ Новое литературное обозрение. 2016. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4> (дата обращения: 25.06.2017).

допускают множество специфичных модерностей, уникальных для каждой страны/культуры; наконец, в четвертом — считают, что множественные модерности могут переплетаться между собой, смешиваться с элементами традиции, формируя гибридные формы.

Обсуждая эту типологию, М. Дэвид-Фокс не может обойти вниманием вопрос о соотношении понятий модернизации и модерности, отмечая, что любой анализ различных точек зрения о модерности «должен начинаться с осознания перехода от “модернизации” к “модерности”, случившегося за последние полвека, — как вне российской историографии, так и в ней самой». Дискуссия на страницах НЛО, в целом, не выявляет заявленного «осознания перехода»; скорее она отражает продолжающееся воздействие концепции модернизации на изменение методологического «ландшафта» россиеведения. Об этом можно судить, в частности, исходя из того факта, что в материалах дискуссии термин «модернизация» встречается более 100 раз. В то же время термин «индустриализация» встретился всего пять раз. Это характеризует одно из отличий содержательного контекста концепций модерности и модернизации: последняя включает индустриализацию в качестве важной компоненты изучаемых процессов (это относится не только к ранним версиям теории модернизации, где изучение процессов, сопровождающих индустриализацию, является аналитическим «ядром»).

М. Дэвид-Фокс отмечает, что «даже сейчас, когда научная терминология перешла от “модернизации” к “модерности”», последняя является не состоянием, «определяемым “объективными” признаками» (как это в основном было с модернизацией в более ранних работах), а скорее «ключевым понятием любой науки о человеке». А это дает, по мнению автора, «творческую возможность исторической интерпретации»; таким образом, каждый должен прояснить значение этого понятия лично для себя, как и в случае с «любым подобным основополагающим термином». Это, видимо, должно означать, что даже пытаться установить какие-то рамки для понятия «модерность» и тем самым сформировать некоторую концептуальную платформу для его применения в исторических исследованиях будет весьма затруднительно.

Нелегко согласиться с утверждением автора о том, что научная терминология перешла теперь от «модернизации» к «модерности».

Все-таки речь идет о существенно различающихся методологических подходах и изучаемых ими процессах. В этой связи обратимся к фрагменту статьи М. Дэвид-Фокса, в которой он рассматривает «теорию переплетенных модерностей» и отмечает недовольство Гёрана Терборна «европоцентризмом» Гидденса, который понимает под модерностью «социальные и институциональные формы, появившиеся в Европе после XVII века». Наименее произвольная интерпретация модерности, по его мнению, состоит «в том, чтобы воспринимать модерность как культуру, эпоху, общество, социальную сферу в определенных временных рамках». Материал дискуссии показывает, что в самом общем смысле понятие модерности относится к такому обществу, в котором новые («современные») формы общественного порядка доминируют над традиционными. Такой подход вполне согласуется с концепцией множественных моделей модерности, но слишком расширяет ее рамки. М. Дэвид-Фокс в этой связи ссылается на Р. Суни, который отмечает, что модерность — «чрезвычайно обширное понятие, с помощью которого можно объяснять все, от прав человека до Холокоста» и что, если не определить конкретные признаки и не выявить причинно-следственные связи, оно может «скорее сбивать с толку, чем разъяснять». Далее автор упоминает концепцию «высокого модернизма» Дж. Скотта, предполагающую «сверхинтенсивное государственное вмешательство в устройство общества и в экономическую политику», в русле которой М. Левен называет НКВД «передним фронтом советского высокого модернизма», а М. Манн показывает, что модерность нацизма и Холокоста определяется не «поставленными на поток» убийствами или техническими возможностями, а «модерным» характером массового движения с его «дисциплиной, отношениями товарищества и карьеризмом», скрепленными единой идеологией.

Объем данной работы не позволяет более подробно обсудить рассмотренную здесь дискуссию о теории модерности, участники которой придерживаются различных (в ряде случаев — полярных) точек зрения о ее методологическом потенциале и возможностях использования в исследованиях по истории России/СССР. М. Дэвид-Фокс, подводя итоги дискуссии, пришел к выводу о том, что теорию модерности можно применять к советскому контексту, одновременно развивая и исследуя

подходы, соответствующие третьему и четвертому из упомянутых выше типов — концепции альтернативных и переплетенных модерностей. Однако, на наш взгляд, дискуссия, раскрыв эвристический потенциал теории модерности и размытость ее категориальной структуры, поставила больше вопросов, чем дала ответов.

* * *

В заключение отметим, что начало XXI в. характеризуется ростом внимания к возможностям компаративного анализа исторических процессов нового и новейшего времени. Теоретико-методологическую базу для таких исследований дают современные подходы, связанные с изучением долговременных трансформаций политических, экономических, социально-культурных структур и институтов в тех или иных странах. Заметное место в ряду этих подходов занимают теории модернизации и модерности, возникшие в различных

условиях глобального развития и отражающие различные аспекты общественной эволюции. Эти подходы изменяются в течение последних десятилетий, адаптируясь к реалиям изменяющегося мира, расширяя свои концептуальные рамки (иногда за счет определенной потери своей конструктивности). Если в зарубежном руссиеведении больше внимания уделяется концепции модерности, то в работах российских историков чаще применяется неомодернизационный подход (ряд зарубежных коллег полагает, что он теряет свои позиции, что не подтверждается исследованиями российских историков, изучающих общественные трансформации в стране в XIX–XX вв.). Дискуссии последних десятилетий свидетельствуют о том, советский период представляет трудности для применения обсуждавшихся выше концепций. Будущее покажет, на базе какого подхода можно углубить понимание процессов в историко-сравнительном ракурсе.

Leonid I. Borodkin

Member of the RAS, Moscow State University (Russia, Moscow)

E-mail: lborodkin@mail.ru

CONCEPTS OF MODERNIZATION AND MODERNITY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN TRANSFORMATIONS OF THE 19–20TH CENTURIES

The article offers a review of the latest trends in historiography focusing on the correlation between various theoretical concepts and their use in the history of Russia research. The author noted that the beginning of the 21st century saw a growing attention towards the opportunities offered by the comparative analysis of the historical processes of the modern and the contemporary periods. The theoretical and the methodological research practice is based on the modern approaches involving the study of the long-term transformations of the political, the economic, and the social and cultural structures and institutions in various countries. Modernization and modernity theories originating under different global development conditions and reflecting various social evolution aspects play an important role in the formation of these theoretical approaches. While in the Russian studies abroad greater emphasis is made on the concept of modernity, the Russian historians rely more in their studies on the neo-modernization approach (with greater emphasis on the study of the multiplicity of modernization forms, its cyclical nature, and the role of historical accident, which lends relevance to the methodology of synergetics). The author mentioned the insufficient attention paid by the advocates of the neo-modernistic approach to the role of the institutions, the need for their modification, adaptation towards the changing realities in the course of the transformational processes, as well as to the role of elites in the modernization processes. In this connection he referred to the Acemoglu and Robinson's concept based on the proposition about the leading role of two types of economic and political institutes in the development of various nations (the inclusive and the extractive institutions).

Keywords: *modernization, neo-modernization approach, modernity, inclusive institutions, extractive institutions, industrialization, synergetics*

REFERENCES

Acemoglu D., Robinson J. A. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty]. Moscow: AST Publ., 2015, 693 p. (in Russ.).

- Alaev L. B. [Modernization or “reliance on our own weaknesses”?]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 31–51. (in Russ.).
- Alekseev V. V. [Evolution and revolution in the modernization dynamics of the Russian civilization]. *Moder-nizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: rossiyskiy opyt perekhoda ot traditsionnogo k sovremennomu obshchestvu* [Modernization in a civilizational context: the Russian experience of transition from a traditional to a modern society]. Ekaterinburg: IIA UB RAS Publ., 2011, pp. 4–28. (in Russ.).
- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Artemov E. T., Zubkov K. I., Nefedov S. A., Lebedev V. E., Poberezhnikov I. V. *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennoy aspekt* [Civilizational peculiarity of the Russian modernization of the 18–20 centuries: the space-time aspect]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2011, 384 p. (in Russ.).
- Borodkin L. I. [“Order from chaos”: concepts of synergetics in the methodology of historical research]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 2003, no. 2, pp. 98–118. (in Russ.).
- Borodkin L. I. [General and special in the modernization of Russia in the 19–20 centuries: methodological aspects]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 201–214. (in Russ.).
- David-Fox M. Multiple Modernities vs. Neo-Traditionalism: On Recent Debates in Russian and Soviet History. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* [Yearbooks for the history of Eastern Europe], 2006, vol. 55, no. 4, pp. 535–555. (in English).
- Davydov M. A. *Dvadsat let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte–Stolypina* [Twenty years before the Great War: the Russian modernization of Witte–Stolypin]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2016, 1080 p. (in Russ.).
- Ferretti M. [Genesis of Stalinism: authoritarian modernization, social resistance and repression]. *Istoriya stalinizma: Zhizn v terrore. Sotsialnye aspekty repressiy* [The history of Stalinism: Life in Terror. Social aspects of repression]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 121–140. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2015, vol. 1, 896 p. (in Russ.).
- Mukhin O. N. [“More modern, good and different?”: the specifics of modernization in non-Western societies (theory problems)]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 16–30. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Russian Imperial modernization: the general and the specific]. *Bylye gody: rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Russian Historical Journal Bylye Gody], 2016, no. 41-1 (3), pp. 867–873. (in English).
- Poberezhnikov I. V. *Perekhod ot traditsionnogo k industrialnomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii* [The transition from the traditional to the industrial society: the theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, 204 p. (in Russ.).
- Proskuryakova N. A. [Power and reform in Russia in the 19th century in the context of the modernization approach]. *Problemy metodologii otechestvennoy istorii i kulturologii: materialy konferentsii “Nauchnoe mirovozzrenie i perspektivy ego razvitiya”* [Problems of the methodology of national history and cultural studies: materials of the conf. “Scientific worldview and prospects for its development”]. Moscow: MGU Publ., 2009, pp. 2–16. (in Russ.).
- Proskuryakova N. A. *Rossiya v XIX veke: gosudarstvo, obshchestvo, ekonomika* [Russia in the 19th century: the state, society, economy]. Moscow: Drofa Publ., 2010, 592 p. (in Russ.).
- Proskuryakova N. A. *Rossiya v XIX veke: obrazovanie, nauka, kultura* [Russia in the 19th century: education, science, culture]. Moscow: Drofa Publ., 2010, 223 p. (in Russ.).
- Shirer D. [State violence, repression and the issue of social engineering in the Soviet Union in 1920–1950]. *Istoriya stalinizma: Zhizn v terrore. Sotsialnye aspekty repressiy* [The history of Stalinism: Life in Terror. Social aspects of repression]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 208–217. (in Russ.).
- Sledzevskiy I. V. [The cultural and scientific foundations of modernization theory (the problem of mutual relations)]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 52–78. (in Russ.).
- Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and methodology of history]. Volgograd: Uchitel Publ., 2014, 504 p. (in Russ.).